

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АМЕРИКАНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

П. А. Шишкин

С развитием научно-технической революции в условиях государственно-монополистического капитализма возникает ряд сложных и актуальных проблем, которые касаются различных классов и социальных групп. В данной статье на материалах США рассматривается влияние научно-технической революции на положение и классовые позиции пролетариата, на его роль в структуре современного капиталистического общества, на экономическую и политическую борьбу рабочего класса.

Буржуазная наука стремится всячески затушевать обострение социальных противоречий, порождаемых научно-технической революцией в условиях капитализма, и преуменьшить ее тяжелые последствия для основной массы трудящихся. Разоблачение антинаучных буржуазных теорий — первостепенная задача историков-марксистов. Советские ученые проявляют большой интерес к проблемам научно-технической революции, ее экономического, социального содержания¹. Основываясь на марксистской методологии, они вскрывают крайне противоречивый характер научно-технического прогресса в капиталистических условиях. Это особенно проявляется в его социально-экономических последствиях, имеющих первостепенное значение для рабочего класса.

Научно-техническая революция — сложный диалектический процесс. С одной стороны, она увеличивает экономические возможности монополистической буржуазии. «Монополии, — говорилось в Отчетном докладе Центрального Комитета XXIV съезду КПСС, — широко используют достижения научно-технического прогресса для укрепления своих позиций, для повышения эффективности и темпов развития производства, для усиления эксплуатации трудящихся и их угнетения»². С другой — научно-техническая революция резко обостряет противоречия капиталистических систем, «ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой»³.

В 50-х годах, когда прогресс науки и техники приобрел революционные формы, перед буржуазными идеологами встали сложные вопросы: что будет с системой частного предпринимательства, выдержит ли капитализм напор новых динамичных сил, спасет ли его техническая революция от революции социальной или, напротив, ускорит ее приход? Однозначных ответов не было. Сложные и противоречивые процессы порож-

¹ См. «Политическая экономия современного монополистического капитализма». Тт. 1—2. М. 1971; Н. Д. Гаузнер. Научно-технический прогресс и рабочий класс США. М. 1968; В. И. Громек. Автоматизация и капитализм. Противоречия капиталистической автоматизации. М. 1964; «Современная научно-техническая революция. Историческое исследование». М. 1967; В. Г. Онущкин. Научно-технический прогресс и современный капитализм. М. 1967; А. А. Зворыкин. Научно-техническая революция и ее социальные последствия. М. 1967.

² «Материалы XXIV съезда КПСС». 1971, стр. 15.

³ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М. 1969, стр. 298.

дали и различные мнения. Представители корпораций категорически отрицали само понятие «техническая революция». Нет никакой революции, утверждали они, происходит обычное развитие науки и техники, которое, как и в прошлые годы, принесет обществу только благо. Президент компании «Дженерал электрик» Р. Кординер в 1955 г. доказывал в конгрессе, что новая техника создает для рабочих благоприятные экономические возможности. Он, в частности, предрекал, что к 1965 г. практически исчезнет безработица и даже будет ощущаться нехватка рабочей силы⁴. Американский социолог У. Бекингем, известный специалист по проблемам автоматизации, писал, что техническая революция может развиваться безболезненно лишь в условиях прогрессирующей экономики, не знающей длительных застоев и спадов, которым подвержена американская экономика. «По мере того,— писал он,— как автоматизация проникает в нашу промышленность, американская экономика становится подобна ракете, она должна непрерывно ускорять свой полет, чтобы не рухнуть на землю»⁵.

Мысль о том, что научно-техническая революция может взорвать существующую систему, если не последуют своевременные и коренные социальные реформы, появилась в работах буржуазных ученых не сразу. Опыт 50-х годов несколько прояснил перспективу социальных последствий⁶. В 1964 г. группа видных американских ученых — Д. Армстронг, С. Хьюдженс, У. Ферри и др.— в коллективном труде «Тройственная революция»⁷ занялась рассмотрением последствий научно-технической революции. Они констатировали, что эта революция еще глубже обнажает социальные контрасты капитализма, углубляет раскол общества, создает внутри его «нацию безработных бедняков», для которых нет более места в производстве. Авторы трактата о «тройственной революции» хотят доказать, что для капиталистического общества в условиях научно-технической революции главной проблемой становится уже не производство, а распределение материальных благ, которые, по их мнению, должны получать и возрастающие массы людей, лишенные возможности трудиться. Научно-техническая революция, как они считают, ставит перед системой частного предпринимательства проблему — чтобы избежать катастрофы «революции лишних людей», капитализм должен радикально реформировать метод распределения национальных богатств⁸. Способен ли капитализм на такую трансформацию? Авторы упомянутого трактата не пришли к единому выводу. Их обуревали вполне обоснованные сомнения, что реформы окажутся недостаточным средством для спасения капиталистического общества от социальных потрясений.

Буржуазные идеологи пытаются доказать, что под воздействием новых факторов капитализм эволюционизирует в одноклассовое общество, не знающее антагонистических противоречий. В действительности же развитие пошло совсем иным путем. Научно-техническая революция, ускоряя и углубляя процессы общественного разделения труда, воздей-

⁴ См. «Automation and Technological Change». Hearings before the Subcommittee on Economic Stabilization of the Joint Committee on the Economic Report. Congress of the United States. 1955, p. 426. В действительности же, даже по заниженным данным буржуазной статистики, в 1965 г. число полностью безработных достигло в США 3366 тыс. человек (4,5% всего самодельного населения) против 2852 тыс. человек (4,4% всего самодельного населения) в 1955 г. (Н. Д. Гаузер. Указ. соч. стр. 105).

⁵ «Automation and Technological Change», p. 35.

⁶ «В пятидесятые годы,— отмечалось на съезде АФТ — КПП в 1961 г.— автоматизация преподала Америке некоторые уроки: как только широкий поток новой техники устремился в основные отрасли производства, миллионы рабочих в добывающей и обрабатывающей промышленности, на железнодорожном транспорте потеряли свою работу» («Proceedings of the AFL — CIO Convention. 1961». Washington. 1961, p. 434).

⁷ «The Triple Revolution. The Ad Hoc Committee on the Triple Revolution». Santa Barbara. 1964.

⁸ J. B o g g s. The American Revolution. N. Y. 1963, p. 30; «The Triple Revolution», p. 129.

вует на классовую структуру капиталистического общества в двух направлениях. С одной стороны, она упрощается; подтверждается тезис К. Маркса о том, что буржуазное общество все более распадается на два противоположных класса — буржуазию и пролетариат. С другой — усложняется внутренняя структура основных классов, возрастает нестабильность промежуточных социальных слоев. В 1957 г. собственники средств производства в США (в основном эксплуататорский класс) составляли 11,1% самодеятельного населения, к 1969 г. их удельный вес сократился до 7,4%. Доля наемных работников, наоборот, возросла с 88,9 до 92,6%⁹. И этот процесс еще далеко не исчерпал себя. Мелкие и мельчайшие собственники, непрерывно разоряясь, пополняют ряды пролетариата. Таким образом, круг эксплуататоров сужается, а эксплуатируемых расширяется. Научно-техническая революция значительно ускорила процесс пролетаризации капиталистического общества. Труд физический или умственный выступает теперь как главный источник существования абсолютного большинства трудоспособного населения. Это не только не меняет эксплуататорской природы капитализма, но еще более углубляет противоречия между общественной формой производства и частным присвоением произведенного продукта.

Социальная категория «наемных работников», обычно используемая в буржуазной статистике, весьма неоднородна. Отдельные ее группы: административный аппарат корпораций, банков, высокопоставленные государственные служащие — тяготеют к эксплуататорскому классу и частично пополняют его ряды. Основная же масса наемных работников, о которой дальше и пойдет речь, состоящая из рабочих, конторских и торговых служащих, инженерно-технического персонала, ученых, учителей, занимает в классовой структуре капиталистического общества иное место. Научно-техническая революция воздействует на эти категории многопланово, но в одном направлении — все большего их сближения. Утвердилась тенденция к быстрому развитию сферы умственного труда, особенно научно-технического персонала, конторских служащих. Число лиц физического труда возросло медленнее, однако рабочие и поныне составляют самый многочисленный отряд наемных работников.

В. И. Ленин еще в начале века отмечал быстрый рост числа служащих, интеллигенции в капиталистическом производстве и процессы классовой дифференциации в их среде. Он писал: «Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»¹⁰. Научно-техническая революция необычайно расширила и углубила эти процессы. Меняется социальный статус работников умственного труда, занятых в производстве. Растворяясь в массе наемного труда, они отдаляются от эксплуататорского класса, теряют былые привилегии, связи, воззрения, испытывают все возрастающую эксплуатацию. Относительно снижается оплата их труда, приближаясь к оплате квалифицированных рабочих. При этом у конторских и торговых работников, среди которых высок процент женщин, зарплата опускается еще ниже — до уровня полуквалифицированных рабочих¹¹.

⁹ «Manpower Report of the President and a Report on Manpower Requirements Resources, Utilization and Training by the US Department of Labor». Washington. 1965. pp. 195, 200; «Statistical Abstract of the United States». 1969, p. 222; «Handbook of Labor Statistics. 1970». Washington, p. 92.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 209.

¹¹ «Statistical Abstract of the United States». 1965, pp. 230—233; 1969, p. 231.

Учитывая, что процесс развития общеклассовых интересов в массе наемных работников продвинулся далеко вперед, было бы, однако, преждевременным отождествлять эту категорию в полном объеме (включая и научно-технический персонал, конторских, торговых работников) с рабочим классом, хотя несомненно, что связи различных категорий работников умственного труда и служащих с рабочим классом растут и укрепляются на общей социальной базе наемного труда. Все они лишены собственности на средства производства и на капиталистическом рынке выступают как продавцы своей рабочей силы. Они несут все издержки рыночной конъюнктуры: падение спроса угрожает им безработицей, быстрый рост предложений снижает жизненный уровень. Законы капиталистического общества воздействуют на них как на единое целое¹².

В сложном диалектическом процессе влияния новых факторов на классы и классовую борьбу самым важным был и остается вопрос о месте и роли рабочего класса в современном капиталистическом обществе. Научно-техническая революция, резко обостряя существующие противоречия капитализма и приближая его крах, в то же время предоставляет монополиям добавочные средства для укрепления своих позиций и социального маневрирования за счет огромных прибылей. Монополистическая буржуазия широко использует экономические факторы для того, чтобы приспособиться к современным условиям классовой борьбы, смягчить социальные конфликты, еще активнее насаждать свою идеологию в рабочем классе.

Буржуазные идеологи утверждают, что научно-техническая революция создает необходимые экономические предпосылки для трансформации рабочего класса в другие классы и социальные группы, не враждебные капитализму. Весьма показательна в этом отношении «теория конформизма», согласно которой современное капиталистическое общество состоит якобы из одного «среднего класса», поглотившего все другие классы и социальные слои, уравнив и сблизив их материально и духовно. В результате, утверждают эти идеологи, «средний класс» превратился в единственный правящий класс, вне которого в качестве «аутсайдеров» оказались, с одной стороны, кучка слишком богатых, с другой — слишком бедных¹³. Таким образом, в теориях буржуазных ученых исчезает рабочий класс, а капитализм, «спасенный» научно-технической революцией, утверждается на века. Теоретики «конформизма» не в состоянии ответить на весьма существенный вопрос: на какие средства существует этот якобы господствующий «средний класс», кто же платит заработную плату рабочим и служащим, составляющим его подавляющее большинство, каково отношение этого «класса» к собственности на средства производства? И это естественно, ибо в противном случае им пришлось бы признать, что как раз сверхбогатые «аутсайдеры» и есть та сила, на которую работает, от которой зависит и которая эксплуатирует подавляющее большинство народа.

Теоретикам «конформизма» не удалось найти убедительного подтверждения и своему тезису о массовом перемещении рабочих в другие

¹² Это подтверждает, в частности, исследование, проведенное социологом Р. Миллсом, который, изучив положение американских служащих, пришел к выводу, что «работники в белых воротничках в своем отношении к собственности на средства производства находятся в таком же положении, что и наемные рабочие» (см. W. Mills, *The Sociology of Stratification. Power, Politics and People. The Collected Essays of W. Mills ed. by J. Horowitz*. N. Y. 1963, p. 309).

¹³ См. D. Reissman. *Lonely Growth*. New Haven. 1950; W. White. *The Organization Man*. N. Y. 1956; H. Hodges. *Social Stratification Class in America*. Cambridge (Mass). 1964. Последний прямо заявляет: «Конечно, высший класс и низший класс не вымерли, и существует немало людей, которые утверждают, что один из этих классов в конце концов будет господствовать. Но силы конформизма действуют, и очевидно, что в индустриально развитых странах, например, в Англии и США, большинство принадлежит к среднему классу» (см. H. Hodges. *Op. cit.*, p. 32).

социальные слои. Многочисленные исследования, в том числе и проведенные буржуазными социологами, показали, что социальная мобильность основных масс рабочего класса незначительна и научно-техническая революция не внесла пока в этот процесс каких-либо существенных изменений. В подавляющем большинстве рабочие в буржуазном обществе не могут выйти за пределы социального статуса своего класса. Они, как пишет американский социолог Дж. Пэттерсон, «ежедневно чувствуют крайнюю ограниченность своих возможностей в продвижении по социальной лестнице. Поэтому, как ни один другой класс, рабочий класс руководствуется нормами поведения и образа жизни, которые лежат в его классовых рамках, а отнюдь не за его пределами». «Возможность подняться от бедности к богатству,— утверждает другой социолог, Л. Рейссман,— все более становится социальным мифом». Сохраняется потомственная преемственность в рабочем классе. Более 60% работников физического труда выходят из рабочих семей. Их родители также занимались физическим трудом. И совсем уж ничтожна мобильность среди неквалифицированных рабочих¹⁴.

Весьма характерны результаты изучения социальной мобильности среди молодежи, имеющей среднее образование (от 16 до 24 лет), вышедшей из семей рабочих и служащих. Данные за 1959 г. показывают, что 58,5% из них стали рабочими (38,3% со средней и низкой квалификацией), 23% — служащими: конторскими, торговыми работниками. Подобное исследование, проведенное через 10 лет, дало почти такие же результаты: 58% молодежи со средним образованием пополнили ряды рабочего класса, 19% стали конторскими и торговыми работниками. Молодежь, не окончившая среднюю школу — а это в основном выходцы из рабочих семей,— почти полностью остается в пределах своего класса: 85% из них становятся рабочими и лишь 5% — служащими¹⁵. Переход некоторой части рабочих в разряд конторских и торговых служащих не улучшает их социального положения. Вместе с тем такая мобильность служит одним из источников сближения этих ныне весьма многочисленных отрядов наемных работников с рабочим классом. Сохраняя преемственность, рабочий класс остается самостоятельной, совершенно определенно характеризующейся социальной категорией современного капиталистического общества, не растворяющейся ни в каком другом классе.

В своем стремлении «разделаться» с рабочим классом, «обезвредить» его буржуазные ученые не ограничиваются «теорией конформизма». Большую активность проявляют мелкобуржуазные теоретики — сторонники «теории интеграции», которые выходят на первый план идеологической борьбы. Они признают существование рабочего класса, но утверждают, будто он «примирился» с современной капиталистической системой в силу модификации последней. «Теория интеграции» исходит, с одной стороны, из абсолютизации влияния экономических факторов на рабочий класс, а с другой — из полного игнорирования его классовой борьбы. Ее сторонники заявляют, что пролетариат, добиваясь улучшения своих жизненных условий, одновременно утрачивает свои революционные потенции. Индустриальный пролетариат изображается ими как «соучастник» капиталистов в пользовании «благами» научно-технического прогресса, в результате чего он-де интегрируется в капиталистическую систему, превращаясь в ее «конструктивную», а отнюдь не разрушительную силу. Эти теоретики утверждают, что «интегрированный» рабочий класс якобы утрачивает способность к выполнению историче-

¹⁴ J. Patterson. *Marketing and Working-Class Family (Blue-Collar World)*. Englewood Cliffs. 1964, p. 76; L. Reissman. *Class in American Society*. Glencoe. 1959, pp. 28, 313.

¹⁵ S. Miller. *The Outlook of Working-Class Youth*. «Blue-Collar World». Ed. by A. A. Shostak and W. Gomberg. Englewood Cliffs. 1964, p. 122; «Fortune», 1969, January, p. 85.

ской миссии революционного преобразования общества и индустриально развитые страны, как, в частности, утверждает Г. Маркузе, обретают, таким образом, иммунитет против социалистической революции¹⁶. Несостоятельность «теории интеграции» стала особенно очевидной в связи с дальнейшим ростом и обострением классовой борьбы в условиях научно-технической революции. Пытаясь спасти свою «теорию», мелкобуржуазные идеологи принялись с еще большей энергией абсолютизировать экономические факторы. Предпринимались даже попытки установить некий оптимальный уровень материального положения рабочих, при котором у них якобы вообще отпадает необходимость вести борьбу за свои жизненные интересы, а социальные конфликты должны затухнуть. США, заявляли эти теоретики, уже достигли в 60-х годах такого экономического потенциала, и теперь дело только за умиротворением рабочего класса¹⁷. Вопреки этим прогнозам социальные конфликты в США, напротив, ожесточались, и в конце 60-х годов забастовочная борьба достигла наивысшего уровня за все послевоенные годы. Сам же рабочий класс никогда не опускался до экономического примитивизма этих теоретиков. Он добивался улучшения условий труда в напряженной классовой борьбе, этом единственном средстве своего спасения от социальной деградации, а отнюдь не в результате благодеяний капиталистов. И в этой борьбе он не только не теряет свою революционность, но развивает и укрепляет классовое самосознание. Однако средствами одной только экономической борьбы рабочие не могут изменить своего статуса угнетенного класса в капиталистической системе. Даже сравнительно высокий экономический уровень страны не избавляет американского рабочего от жесточайшей эксплуатации, которая еще более усиливается в период научно-технической революции. Завоеванные рабочими прибавки к заработной плате не меняют их места в структуре капиталистического общества и не выводят их за пределы социального статуса пролетариата. Избавиться от эксплуатации и угнетения рабочие могут лишь путем коренного революционного преобразования капиталистической системы. Пролетариат был и остается главным антагонистом класса капиталистов. «События последнего пятилетия в капиталистическом мире,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС,— в полной мере подтвердили значение рабочего класса, как главного и наиболее сильного противника власти монополий, как центра притяжения всех антимонополистических сил»¹⁸.

Научно-техническая революция, вызвавшая структурные сдвиги в составе пролетариата и других классов и социальных групп, не только обострила конфликты между трудом и капиталом, но и осложнила их. В этом немалое значение имеет меняющаяся композиция рабочей силы в промышленности. В материальном производстве рабочий класс продолжает занимать ведущие позиции. Но под влиянием научно-технической революции материальное производство быстро насыщается инженерно-техническими, научными кадрами, конторскими работниками. На высокоавтоматизированных предприятиях работники умственного труда нередко численно уравнивают производственных рабочих. Корпорации пытаются использовать сложившееся положение против организованных рабочих, ослабить остроту трудовых конфликтов. Однако общая картина забастовочного движения в США за послевоенные годы весьма убедительно показывает, что развитие научно-технической революции

¹⁶ H. Marcuse. *One-Dimensional Men*. Boston. 1968, p. 8; e jusd. A Paper. *The Obsolescence of Marxism*. Sydney. 1968, p. 2; W. Mills. *The Marxism*. N. Y. 1962, p. 28.

¹⁷ W. Galenson. *Why the American Labor Movement is not Socialist?* Berkeley. 1961, p. 12.

¹⁸ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 17.

не привело к снижению эффективности и размаха забастовочной борьбы. Напротив, научно-техническому процессу сопутствовал подъем активности классовой борьбы¹⁹.

Забастовка как средство борьбы сохранила свою действенность, более того, к ней стали прибегать не только промышленные рабочие. В 60-х годах, впервые в таких масштабах, стачки охватили работников умственного труда — инженеров, техников, учителей. Беспрецедентным был рост забастовок среди государственных служащих вопреки запрещениям, содержащимся в федеральном законодательстве и законах большинства штатов²⁰.

Забастовки стали более длительными и упорными. Стала более острой необходимость в помощи и поддержке бастующих со стороны других профсоюзов. Исключительное значение в современных условиях приобретает единство рабочих рядов, преодоление разногласий, мешающих согласованным действиям. Резко возрастает роль союзников пролетариата в борьбе против монополий. В условиях научно-технической революции особенно важно укрепление связей пролетариата с работниками умственного труда на производстве, с инженерно-техническим персоналом, служащими, в первую очередь на автоматизированных предприятиях.

Для того, чтобы выиграть стачку, надо парализовать производство и этим заставить предпринимателя пойти на уступки. Однако на автоматизированных предприятиях это не всегда удавалось сделать. Подобный случай имел место на заводах «Америкэн ойл компани» в Тексас-сити еще в 1959 г., и он не был единственным. Профсоюз рабочих нефтяной, химической и атомной промышленности объявил забастовку. Все рабочие (1 200 человек) прекратили работу. У ворот нефтеперегонных заводов встали плотные линии пикетов, и ни один штрейкбрехер не смог их пересечь. Применялись испытанные средства. Но компания объявила, что производственный процесс будет вестись силами административно-технического персонала. 300 высокопоставленных штрейкбрехеров, доставленных на завод вертолетами, работая без отдыха семь дней в неделю, попытались заменить 1 200 производственных и ремонтных рабочих. И в какой-то мере им сопутствовал успех. К концу забастовки предприятие выпускало $\frac{2}{3}$ обычной продукции. Полгода рабочие мужественно боролись, испытывая тяжелые лишения. Тем не менее стачка была проиграна. Такая же судьба постигла выступления рабочих на других нефтеперегонных заводах. На предприятиях крупнейшей нефтяной монополии «Галф ойл корпорейшн» (штат Техас) 600 администраторов, инженеров, техников, заменив 3 700 бастующих рабочих, обеспечили производство 65% от обычного уровня продукции. Девять месяцев в 1960 г. тщательно боролись рабочие нефтяной корпорации «Стандард ойл оф Индиана» (штат Миссури). Несмотря на забастовку, предприятие силами технического персонала продолжало производить до 70% своей продукции. Еще ранее нечто подобное произошло с профсоюзом работников связи во время крупнейшей забастовки в 1955 г., когда новейшие аппараты автоматической связи дали возможность административным работникам обслужить значительное число абонентов.

Американские буржуазные социологи ухватились за эти забастовки. Им казалось, что наконец-то обнаружили себя долгожданные симптомы «отмирания» забастовочной борьбы. Профессор Р. Флеминг, например,

¹⁹ В 1965—1969 гг. в США было больше забастовок, чем за любое другое пятилетие в послевоенные годы. Орган министерства труда в 1969 г. писал: «Несколько лет тому назад ученые предполагали, что Соединенные Штаты будут свидетелями длительного упадка забастовочного движения. Однако этого не произошло» («Monthly Labor Review», 1969, July, p. 23). В 1970 г. число забастовок превысило все показатели за послевоенный период.

²⁰ Если в 1958 г. в США было лишь 15 забастовок государственных служащих и в них участвовало около 2 тыс. человек, то в 1968 г.— 254 забастовки с участием более 200 тыс. человек («Monthly Labor Review», 1969, December, p. 30).

заявил, что «развитие техники сделало забастовку, которая всегда была самым действенным оружием организованных рабочих, почти отжившей в ряде отраслей промышленности»²¹. Другие ученые утверждали, что автоматизированные предприятия «неуязвимы для забастовок», что забастовка стала «архаическим» средством²². Но эти выводы буржуазных ученых оказались слишком поспешными и очень далекими от истины. Они основывались на примерах нескольких неудачных стачек, в то время как тысячи забастовок, в которых участвовали массы рабочих, заканчивались их победой. Характерна в этом отношении забастовка на высокоавтоматизированных предприятиях «Дженерал электрик» в 1969 году. Когда 140 тыс. рабочих оставили работу, требуя увеличения заработной платы, гарантии занятости, ослабления потогонной системы, администрация корпорации применила испытанную тактику — продолжать производство силами административного и инженерно-технического персонала на всех 280 предприятиях. Однако эта тактика не имела успеха. Рабочие хорошо подготовились к борьбе. Профсоюзы — а их на предприятиях «Дженерал электрик» 14 — впервые объединили свои усилия. Бастующих активно поддержали другие профсоюзы. Забастовка продолжалась 100 дней. Она была самой длительной и напряженной в истории «Дженерал электрик». В конце концов рабочие добились победы. Их единство, упорство и солидарность оказались сильнее всех тех средств, которые корпорация смогла противопоставить бастующим.

Научно-техническая революция настоятельно требует от рабочего класса всемерного укрепления единства своих рядов, подъема классового самосознания, более широкого подхода к нуждам и требованиям других отрядов наемных работников. Разумеется, этот процесс не односторонний. Наемные работники умственного труда, пролетаризируясь и становясь объектом непрерывно усиливающейся эксплуатации, в свою очередь, испытывают необходимость в помощи, поддержке, а главное, в руководстве со стороны организованных рабочих.

Среди последствий научно-технической революции важное значение имеет ее влияние на занятость различных категорий наемных работников. Основная тенденция состоит в том, что чем эффективнее происходит замена живого труда машинным, тем быстрее идет процесс накопления «лишних» рабочих рук, тем больше обостряется проблема безработицы. В ходе научно-технической революции выяснилось, что возможности новейшей техники по созданию резервов занятости оказались очень незначительными. Характерно в этом отношении мнение американского промышленника Дж. Снайдера, президента корпорации «Юнайтед Стейтс Индастриес», производящей автоматические машины. Обширная практика убедила его в том, что надежды на рост занятости в условиях научно-технической революции были иллюзорными. Автоматизация и кибернетизация вытесняют с производства гораздо большее число рабочих и служащих, чем предполагали специалисты. Официальная статистика рассчитывала, что новейшая техника будет заменять не более 200 тыс. рабочих мест ежегодно. В действительности, как указывает Снайдер, сокращение рабочих мест значительно превосходит эту цифру. Необоснованными оказались предположения, что само производство автоматического оборудования создаст большую потребность в рабочей силе. Еще К. Маркс указывал: «То увеличение труда, которое обуславливается производством самих средств труда..., должно быть меньше того труда, который сберегается применением машин. Иначе машинный продукт был бы не дешевле или даже дороже ручного продукта»²³. И Снайдер как бы повторяет его слова, когда пишет: «Если бы для производства автомати-

²¹ R. Fleming. *New Challenges for Collective Bargaining*. Washington. 1964, p. 427.

²² B. Kirsh. *Automation and Collective Bargaining*. N. Y. 1964, p. 69; N. Chaimberlain. *The Labor Sector*. N. Y. 1965, p. 643.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 453.

ческого оборудования необходимо было бы столько же рабочих, сколько их вытесняют эти машины, то автоматизация потеряла бы всякий смысл»²⁴. Что же касается управления новейшей техникой и ее ремонта, то они требуют незначительного числа рабочих.

Американские специалисты подсчитали, что даже в начальной стадии кибернетизации стоимость автоматических машин не превышает $\frac{1}{3}$ суммы заработной платы тех рабочих, которые заменяются этими машинами²⁵. Предприниматель может реализовать полностью экономическую выгоду от применения новой техники лишь при одном непременном условии: с появлением на предприятии новых машин с него должно уйти максимальное число рабочих, труд которых может заменить данная машина. А поскольку им нет места на заводе, они станвятся безработными. Другой альтернативы для капиталистической автоматизации не существует.

Влияние научно-технической революции на занятость сказывалось в той мере и в той последовательности, в какой новейшая техника охватывала те или иные отрасли производства. Согласно исследованиям министерства труда США, «первый удар» автоматизация нанесла по сельскому хозяйству. Экономические последствия этого еще не были столь драматическими, поскольку значительное число работников, вытесненных с ферм, могли найти работу в промышленности. «Второй удар» испытали на себе рабочие заводов и фабрик. Но и этот удар, по мнению исследователей, не имел еще угрожающих последствий, так как массу «излишней» рабочей силы поглощала сфера услуг. На очереди «третий удар», который в ближайшие годы обрушится на сферу услуг, и тогда этот обширный потребитель рабочей силы перестанет ее поглощать. Это будет сопряжено с колоссальным ускорением роста резервной армии работников труда. Таким образом, сами буржуазные ученые приходят к выводу, что самая тяжелая и опасная стадия последствий научно-технической революции в области занятости еще впереди²⁶.

Эти опасения не лишены оснований. Имеется немало фактов из различных областей производства, которые дают представление о характере грозящей опасности. Американская статистика год за годом неизменно фиксирует быстрое разорение фермеров. За 20 лет (с 1950 по 1969 г.) из 5,5 млн. мелких и средних ферм исчезло более 3 млн., нетрудно представить себе и судьбу оставшихся 2 млн. хозяйств²⁷. «Семейная ферма», служившая, как утверждали буржуазные историки, нерушимой основой сельского хозяйства США, доживает свой век. Одним из главных ускорителей разорения фермеров явилась автоматизация сельскохозяйственного производства, которая усиленно развивается с начала 50-х годов. Новая техника недоступна мелкому собственнику, она «убивает» его хозяйство, а самого хозяина гонит в город в поисках источника существования. Разоряющееся фермерство — один из важных каналов пополнения городской бедноты, обитателей городских трущоб. Мелкий фермер, уходя из сельского хозяйства, попадает в ряды пролетариата, его наиболее обездоленной, неквалифицированной части. Ведущей фигурой в сельском хозяйстве США стал владелец крупной механизированной фермы, современной сельскохозяйственной фабрики, типичный капиталист. В то же время с развитием научно-технической революции в сельском хозяйстве США возрастает роль рабочего класса, хотя ему там еще не принадлежит доминирующее положение: его доля в самостоятельном населении, занятом в сельском хозяйстве, в 1967 г. была немногим ме-

²⁴ J. Snyder. Jobs, Men and Machines. Problems of Automation. N. Y. 1964, p. 153.

²⁵ «The Triple Revolution», p. 129.

²⁶ «Nation's Manpower Revolution». Hearings before the Subcommittee on Employment and Manpower of the Committee on Labor and Public Welfare. Washington. 1963, p. 19.

²⁷ «Statistical Abstract of the United States». 1969, p. 590.

нее $\frac{1}{3}$, тогда как в промышленности почти $\frac{2}{3}$, однако совершенно очевидно тенденция к росту²⁸. Положение сельскохозяйственного пролетариата особенно тяжелое. Он не организован в профсоюзы, на него не распространяются законы о социальном обеспечении, он подвергается чудовищной эксплуатации.

Влияние научно-технической революции на занятость в промышленном производстве — процесс сложный и многоплановый. Выше уже говорилось о бессосновательности утверждений некоторых буржуазных ученых насчет того, что кибернетизация создает больше рабочих мест, чем уничтожает. Но нельзя не видеть и того, что научно-техническая революция, связанная с развитием новых отраслей производства, порождает на какое-то время определенные стимулы для общего экономического подъема и тем в известной степени способствует некоторому расширению занятости. Однако этот процесс никак не покрывает ее убыли, поскольку с повышением конъюнктуры возрастает интенсивность научно-технической революции, что, в свою очередь, ускоряет замену живого труда трудом машин. Об этом говорят многочисленные факты. Показательно сравнение различных экономических данных за периоды 1951—1956 и 1962—1967 годов. В 1951—1956 годах научно-техническая революция делала свои первые шаги, и ее последствия были еще весьма незначительны. Безработица выступала как бы в «чистом» виде. Темпы промышленного развития США были довольно высокими (3,7%), но рост занятости в среднем на 15% отставал от притока новой рабочей силы. Это вело к неизбежному увеличению безработицы, которая составила в 1956 г. 2,8 млн. человек²⁹. В 1962—1967 гг., когда научно-техническая революция вступила в период усиленного развития, те же процессы количественно и качественно выглядели иначе. Темпы промышленного производства возросли по сравнению с 1951—1956 гг. в полтора раза (5,7%), занятость же опережала приток рабочей силы в среднем на 20%³⁰. Казалось, были все условия для сведения безработицы к минимуму. Но этого, однако, не произошло. Наоборот, в 1967 г. безработица даже выросла по сравнению с 1956 г. и достигла 3 млн. человек. За счет чего же происходил рост безработицы при такой высокой экономической конъюнктуре? Его источником была капиталистическая автоматизация, вытеснение рабочих и служащих в связи с введением новейшей техники, что и обуславливало наличие довольно высокой безработицы.

Представляет интерес соотношение между ростом занятости и притоком новой рабочей силы в период усиленного развития научно-технической революции. Так, за 1962—1963 гг. прирост новой рабочей силы составил 1,1 млн. человек, занятость увеличилась на 1,1 млн. человек, а безработица продолжала расти. За 1963—1964 гг. эти данные были соответственно 1,3 и 1,5 млн. человек (рост занятости на 15% превысил рост рабочей силы). Безработица несколько стабилизировалась. За 1964—1965 гг. прирост рабочей силы составил 1,4, занятости — 1,8 млн. человек (превышение на 28%) — безработица начала уменьшаться. За 1965—1966 гг. рабочая сила увеличилась на 1,3, занятость — на 1,8 млн. человек (превышение на 38%) — безработица продолжала сокращаться. За 1966—1967 гг. прирост рабочей силы составил 1,5, занятости — также 1,5 млн. человек — безработица вновь начала усиливаться. За 1967—1968 гг. рабочая сила увеличилась на 1,4, занятость — на 1,5 млн. человек (превышение 8%) — число безработных не изменилось. За 1968—1969 гг. рабочая сила увеличилась на 2 млн. человек, занятость — на 1,5 млн. человек — начался быстрый рост безработицы³¹. Из этих данных

²⁸ Ibid., p. 236.

²⁹ «Economic Indicators». 1960, December, pp. 9, 14.

³⁰ «Statistical Abstract of the United States». 1968, pp. 215, 719.

³¹ «Manpower Report of the President, 1965», p. 193; «Statistical Abstract of the United States». 1968, p. 215; «Economic Indicators», 1969, December, p. 10.

можно сделать следующий вывод: в современных условиях для того, чтобы безработица стабилизировалась, рост занятости должен превышать приток новой рабочей силы с тем, чтобы оставить возможность получения работы теми, кто лишился ее с введением новейшей техники. В среднем 25% новых рабочих мест занимали вытесненные с производства рабочие и служащие (по уровню 60-х годов это составляло примерно 500 тыс. человек в год). Более или менее серьезное сокращение безработицы наступало лишь после того, как занятость превышала на 30—35% рост рабочей силы, а это возможно лишь при очень высокой экономической конъюнктуре (7—8% прироста промышленной продукции), что редко достижимо для американской экономики. При обычных же темпах (3—4%) рабочих мест не хватает даже тем, кто впервые приходит на рынок труда.

Снижение темпов промышленного развития в 1969—1971 гг. немедленно сказалось на сокращении занятости. Безработица возросла к 1972 г. почти вдвое, превысив 5 млн. человек. Такая быстрая и «чуткая» реакция безработицы на уровень деловой активности объясняется нарастающими последствиями технической революции, создающей большие массы рабочих, лишенных места в производстве. И только в периоды значительного экономического подъема рост этих масс еще сдерживается, в условиях же экономического спада проблема «излишней» рабочей силы резко обостряется и принимает социально опасные формы для капиталистического общества.

По мнению американских социологов и экономистов, научно-техническая революция окажет заметное влияние на занятость служащих (конторских и торговых работников) несколько позднее, чем на занятость рабочих, поскольку новейшая техника вторгается в первую очередь в сферу материального производства. Однако уже есть некоторые факты, дающие определенное представление о последствиях автоматизации для служащих. Комиссия конгресса, исследовавшая эту проблему, пришла к выводу, что за 5 лет (1955—1959 гг.) счетно-вычислительная техника ликвидировала в учреждениях 25% рабочих мест³². По оценке этой комиссии, в следующем пятилетии (1960—1964 гг.) электронные машины должны были привести к ликвидации не менее 4 млн. рабочих мест в конторах, учреждениях, магазинах. О реальности этих расчетов можно судить в определенной мере по данным специалиста в области автоматизации У. Бекингема. Он приводит некоторые факты о насыщении новейшей техникой учреждений и контор США. В 1961 г. было установлено 10 тыс. счетно-вычислительных машин, каждая из которых выполняла работу 140 человек. Таким образом, автоматизация только за один год коснулась 1,4 млн. служащих. Однако на практике, отмечает Бекингем, замена конторских работников машинами растягивается на 2—4 года, во время которых новая техника проходит испытательный период. Администрация заинтересована в применении электронной техники, поскольку машина, заменяющая труд 450 служащих, ежегодно экономит 900 тыс. долларов³³.

Профсоюз конторских работников с тревогой отмечал, что счетно-вычислительная техника, быстро совершенствуясь, находит все более широкое применение в конторском деле. Газета этого союза писала весной 1965 г.: «Корпорации добиваются огромного прироста прибылей без увеличения числа рабочих. В конторское производство счетно-вычислительная техника внедряется с нарастающей быстротой. Мы работаем уже с третьим поколением электронных автоматов, которые устраняют все больше и больше рабочих мест»³⁴. Тем не менее общее число служащих в США продолжало увеличиваться, в основном за счет быстрого расши-

³² «Congressional Record». April 13, 1961, pp. 2491—2493.

³³ «Nation», 6.I.1962, pp. 10, 11.

³⁴ «White Collar», 1965, April, p. 4.

рения сферы услуг. Однако имеются очевидные симптомы, свидетельствующие о том, что и этот процесс имеет свои пределы. Так, например, резко снизились темпы роста занятости конторских и торговых работников³⁵. Таким образом, с насыщением сферы услуг новейшей техникой сокращается и этот источник занятости, который в определенной мере амортизировал последствия научно-технической революции, распространившейся сначала на сельское хозяйство и промышленность. Это неизбежно резко обострит проблему безработицы независимо от экономической конъюнктуры, поскольку все более или менее значительные резервы роста занятости уже исчерпаны или близки к этому.

Необходимо иметь в виду, что буржуазная статистика безработицы очень слабо отражает последствия научно-технической революции. Ее методы, основанные на выведении средних данных, безнадежно устарели. Даже министр труда США У. Виртц признает, что они «опасно искажают» действительные размеры безработицы. В 1962 г., например, по официальным данным, считалось, что в среднем в стране 4 млн. безработных, на самом же деле работу искало 14 млн. человек³⁶. Официальная статистика игнорирует многие факты, которые в современных условиях приобретают все большее значение: безработными не считаются те, кто впервые ищет работу, кто занят хотя бы час в неделю на временной работе, и, самое главное, статистика не учитывает все возрастающей массы вытесненных с производства рабочих и служащих, особенно пожилых (старше 45 лет), которые потеряли надежду найти работу и остаются «вечно» безработными. Они составляют «невидимую» часть безработицы.

Американский ученый Ч. Киллингсуорс, исследующий социальные проблемы научно-технической революции, считает, что в современную эпоху безработица подобна айсбергу: ее большая часть скрыта. Скрытая безработица, порождаемая капиталистической автоматизацией, не учитывается никакой статистикой, тем не менее она поддается определенной оценке. Дело в том, что у различных социальных групп наемных работников соотношение между трудоспособным и самодеятельным населением далеко не одинаково. У инженерно-технического персонала, научных работников самодеятельное население охватывает почти всех трудоспособных (92,2% в 1950 г.) и наблюдается даже некоторая тенденция роста (92,3% в 1962 г.). Безработица здесь минимальная. Совершенно иное положение у рабочих низшей квалификации. В 1950 г. 25%, а в 1962 г. более 40% трудоспособных неквалифицированных рабочих находились в положении «вечно» безработных. Это и есть подводная часть айсберга безработицы. Официальная же статистика учитывает лишь 10% безработных среди неквалифицированных рабочих. Немного лучше положение у рабочих средней квалификации. В 1950 г. около 15%, а в 1962 г. уже 25% трудоспособных полуквалифицированных рабочих были «излишними», статистика их не учитывала³⁷.

Исследования американских научных центров показали, что в 1966 г. было необходимо 5,5 млн. новых рабочих мест для удовлетворения острой нужды американцев в работе (и это в то время, когда официальная статистика сообщала лишь о 2,8 млн. безработных). В 1971 г. требовалось уже 7 млн. новых рабочих мест³⁸. По данным профсоюзов, только для того, чтобы сдерживать быстрый рост безработицы, начавшейся в

³⁵ В 1940—1950 гг. число конторских служащих в среднем ежегодно увеличивалось на 6%, торговых работников — на 3%. В 1960—1968 гг. прирост числа конторских служащих сократился вдвое, торговых работников — в 6 раз. «Manpower Report of the President, 1965», p. 202; «Statistic' Abstract of the United States». 1969, p. 222.

³⁶ «Nation's Manpower Revolution», p. 12.

³⁷ Ch. Killingsworth. The Automation Story: Machines, Manpower and Job. N. Y. 1964, p. 42.

³⁸ «Political Affairs», 1971, December, p. 19.

1970—1971 гг., американской экономике надо иметь по 2—2,5 млн. новых рабочих мест ежегодно, что возможно лишь при длительном промышленном буме³⁹. Скрытая безработица носит глубоко социальный характер. Научно-техническая революция как бы сортирует массы наемных работников, отсеивая тех, кто не имеет достаточной квалификации, не может поднять свой образовательный уровень. Именно они в первую очередь и вытесняются с производства, лишаются работы, становятся лишними, «ненужными» капиталистическому производству людьми. Это наиболее обездоленная часть рабочего класса — неквалифицированные рабочие, негры.

Кровавые восстания в черных гетто крупнейших промышленных центров, где скапливается все больше людей, лишенных средств к существованию, отражают гневный протест негритянских рабочих против социальных последствий научно-технического прогресса в условиях капитализма. «Негры переживают острый экономический кризис, — заявлял в 1963 г. негритянский лидер Ф. Рэндольф. — Автоматизация уничтожает десятки тысяч рабочих мест, которые традиционно занимали негры. Их привычную старую работу теперь выполняют машины, а для новой работы у них нет квалификации... Негры знают, что они опускаются на социальное дно»⁴⁰. В протесте негров звучат голоса миллионов других обездоленных, которые начинают понимать, что «кибернетизация, если ее правильно использовать, могла бы избавить их от нищеты», пишут американские ученые в уже цитированном трактате о «тройственной революции»⁴¹.

Научно-техническая революция в условиях господства государственно-монополистического капитализма не только углубляет существующие противоречия капиталистического общества, но и порождает новые конфликты. Огромные материальные возможности научно-технического прогресса недоступны широким массам трудящихся. Возрастает и все более обнажается противоречие между общественным характером производства и частнособственнической природой капиталистического строя. Об этом свидетельствует острота современных социальных антагонизмов.

Заметно усиливается политическая борьба организованного пролетариата США. В новой программе Коммунистической партии США отмечается, что «центр тяжести в классовой борьбе все больше и больше переносится на политическую арену. Конфликт между трудом и капиталом все больше приобретает характер политической борьбы».

Все более очевидной становится недостаточность в современных условиях обычных форм борьбы, которые не могут соответствовать обстановке научно-технической революции, решить жизненно важные для рабочего класса проблемы: обеспечение работой, повышение квалификации, образование. «Судьба рабочих, вытесненных или выброшенных из промышленности в результате автоматизации, не может быть решена средствами коллективного договора и использования других традиционных форм экономической борьбы. Эти вопросы стали широкими социальными проблемами, борьба вокруг которых должна вестись в политической плоскости»⁴². Коллективные договоры, хотя и являются большим достижением организованного пролетариата, охватывают, однако, весьма ограниченный круг неотложных нужд рабочего, которые касаются главным образом заработной платы.

Деятельность профсоюзов, направляемых их лидерами по пути ограниченной экономической борьбы, не затрагивает таких вопросов, как угроза безработицы и особенности усиления эксплуатации рабочих в

³⁹ «The American Federationist», 1971, August, p. 33.

⁴⁰ «AFL-CIO Proceedings», 1963, p. 207.

⁴¹ «The Triple Revolution», p. 132.

⁴² «США: экономика, политика, идеология», 1970, № 12, стр. 75.

современных условиях. Научно-техническая революция изменила характер и стоимость воспроизводства рабочей силы, сделав неотъемлемыми условиями трудоустройства такие факторы, как образование и квалификация. Однако образовательный уровень рабочего класса остается низким на всех ступенях квалификации. Даже у квалифицированных рабочих он в среднем значительно ниже, чем у конторских и торговых служащих⁴³.

Одними средствами экономической борьбы рабочие не могут справиться с последствиями научно-технической революции, утверждал американский ученый П. Джекобс. «Роль профсоюзов в структуре индустриальных отношений,— писал он,— будет ослабевать, если организованные рабочие не обратятся к политической деятельности»⁴⁴.

Буржуазные ученые считают, что профсоюзы могут использовать в борьбе с последствиями новейших технических преобразований три возможности: первая — обструкция, вторая — соревнование и третья — контроль⁴⁵. В первом случае рабочие выступают за сохранение старых методов труда. Однако такая политика не дает рабочим никакой перспективы. Орган Компартии США по этому поводу писал: «Печальным комментарием к социальным последствиям автоматизации при капитализме является то, что в целях самозащиты рабочие вынуждены прибегать к действиям, которые задерживают применение новейшей техники»⁴⁶. Но подобная оборонительная борьба всегда давала крайне ограниченные и кратковременные результаты. Это была тщетная попытка как-то противостоять неумолимому наступлению научно-технической революции. Столь же нереальны были попытки рабочих соревноваться с новейшей техникой в производительности труда, чтобы сделать ее применение нерентабельным.

Значительно большие возможности могла бы дать политика контроля профсоюзов за введением и применением новейшей автоматической техники. Но она наталкивается на самое решительное сопротивление предпринимателей, отстаивающих право бесконтрольно и любыми средствами осуществлять интенсификацию труда рабочих. Политика контроля имела бы реальный смысл лишь при условии массовой поддержки и напряженной борьбы организованного пролетариата. Тот контроль над производством, о котором говорят отдельные влиятельные профдеятели, не способен решить главного вопроса — обеспечение работой все возрастающей массы людей, ставших лишними и лишенных средств к существованию в эру расцвета науки и техники.

Все это делает насущной необходимостью переход профсоюзов к определенным формам политической борьбы. Даже для достижения частных требований обычные, традиционные формы оказываются недостаточными и неэффективными. Так, руководители профсоюза рабочих резиновой промышленности утверждали, что «политическая борьба теперь необходима, чтобы ослабить последствия автоматизации»⁴⁷. На съезде профсоюза упаковщиков пищевых продуктов в 1964 г. также подчеркивалось, что «эффективная политическая деятельность так же нужна профсоюзу, как стойкость и выдержка в линии пикетов»⁴⁸. Известный профсоюзный деятель У. Рейтер ставил успех борьбы за ближайшие экономические нужды рабочих в зависимость от политической борьбы. «Мы пришли к выводу,— заявлял он,— что существует неразрывная связь между куском хлеба и политикой... Американские профсоюзы по-

⁴³ «Manpower Report of the President, 1965», p. 227; H. Miller. Rich Man, Poor Man. N. Y. 1964, p. 162.

⁴⁴ P. J a c o b s. The State of the Union. N. Y. 1963, p. 265.

⁴⁵ Ch. M o r g e n. Labor Economics. Illinois. 1962, p. 203

⁴⁶ «Political Affairs», 1964, August, p. 33.

⁴⁷ «United Rubber Worker», 1963, February, p. 16.

⁴⁸ «The Packerhouse Worker», 1964, August, p. 4.

нимают, что имеется много важных проблем, которые находятся вне сферы действия коллективного договора. Их решение по необходимости должно относиться к политической области с использованием средств государственной власти на всех уровнях»⁴⁹.

Ограниченность и недостаточность экономических средств борьбы проявляются в условиях научно-технической революции неизмеримо острее и глубже, чем прежде. Эта революция оказывает сильное воздействие на сознание рабочего класса, что ведет к заметному подъему политической активности профсоюзов, существенной особенностью которой является то, что она вытекает главным образом из экономической борьбы. В данном случае понимание необходимости участия в политической деятельности приходит к рабочему как следствие осознания остроты его экономической ситуации. Социальные последствия научно-технической революции играют при этом главную побудительную роль.

Политизация рабочего класса — процесс необратимый и опасный для монополистической буржуазии. Он ведет к тому, что перед пролетариатом раскрывается классовая сущность буржуазной демократии, буржуазных партий, истинная роль буржуазных либералов. Американский пролетариат все глубже осознает, что он лишен своего политического представительства, что на его нуждах делают карьеру буржуазные политики. В материалах профсоюза сталелитейщиков, в частности, отмечалось: «Нет ни одной значительной группы американских граждан, которая имела бы меньшее представительство в законодательных, судебных и исполнительных органах власти, чем организованные рабочие. Рабочий долгое время являлся пешкой в игре двух ведущих политических партий. Он имел лишь призрачное представительство и был бессилён сопротивляться наступлению антирабочих сил»⁵⁰.

Гэс Холл, анализируя политическую деятельность организованных рабочих, отмечал как «новый и весьма важный факт появление глубоких прогрессивных тенденций в массах и особенно в рядах рабочего класса»⁵¹.

В речи на XV съезде профсоюзов Л. И. Брежнев отметил как весьма важный факт рост политической активности пролетариата. «В капиталистическом мире, — говорил он, — происходит мощный подъем рабочего движения. В ряде стран оно стало крупнейшим фактором общественно-политической жизни. В развернувшихся классовых боях все заметнее видна тенденция, на которую своевременно обратили внимание коммунисты, а именно перерастание экономической борьбы в выступления против всей системы государственно-монополистического господства»⁵². Научно-техническая революция порождает новые и необычайно обостряет старые социальные антагонизмы, расшатывающие капиталистическую систему. Ее социальные последствия для рабочего класса и многих других групп наемного труда ведут к тому, что в растущих социальных конфликтах принимает участие все большее количество трудящихся. В новых условиях, когда классовая борьба приобретает все более политический характер, насущно необходимо сплочение и единство всех отрядов рабочего класса, гегемона трудящихся в их борьбе с господством монополий.

⁴⁹ «Report of President W. Reuther to the 19th UAW Constitutional Convention», 1967, p. 37.

⁵⁰ «Federal Control over Labor Union...». Published by Department of Education of the United Steel Workers of America. Pennsylvania. 1963, p. 3.

⁵¹ G. Hall. The 1970 Elections. «Political Affairs» 1971, January, p. 23.

⁵² «Правда», 21. III. 1972.